

Динамика внешней торговли Российской империи в зеркале статистики. 1790–1822. Время потрясений

Аннотация

Введение. Внешняя торговля Российской империи XIX в. – процесс, изучение которого опирается на солидный источник – ежегодники внешней торговли. В России этот источник начал издаваться с 1802 г. Он является одним из первых подобных изданий в мире и дает наиболее долгую регулярную статистику для России. При широкой изученности разных аспектов внешней торговли России до сих пор, однако, в литературе не проведено построения и полноценного изучения статистических рядов, которые можно сделать на этой основе. Данная статья является первой из цикла статей о статистике внешней торговли России в XIX в., направленного на то, чтобы наметить общий подход для такого изучения. Цель статьи заключается в том, чтобы на основе официальной статистики рассмотреть динамику российского экспорта и импорта в период царствования Александра I, когда внешняя торговля сильно определялась внешнеполитическими обстоятельствами.

Материалы и методы. В основе работы – построение временных рядов статистики внешней торговли по отдельным показателям и в общей структуре. Для сопоставления денежных показателей статистики применяется их пересчет в серебряные рубли 1840 г.

Результаты исследования. В начале исследования представлена общая динамика экспорта и импорта России в исследуемый период. Она показывает глубокий провал торговли на всем протяжении Наполеоновских войн. Если же рассматривать начало и конец периода, то выявляется слабый восходящий тренд торговли.

Обсуждение и заключение. Выявленная динамика изучена более детально. Показано, что структура как экспорта, так и импорта России мало изменялась в этот период. Отмечено повышение хлебного экспорта в отдельные годы, следующее за неурожайными годами в Европе. Совершенно новым, не встреченным в литературе явлением является кратковременный всплеск реэкспортной торговли России колониальными товарами (кофе, пряности и т. д.).

Ключевые слова: историческая статистика, динамические ряды, внешняя торговля, Российская империя, экономическая история, континентальная блокада, Наполеоновские войны.

Для цитирования: Валетов Т. Я. Динамика внешней торговли российской империи в зеркале статистики. 1790–1822. Время потрясений // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 4. С. 323–338. DOI: 10.24412/2409-630X.71.021.202504.323-338.

The Russian Empire Foreign Trade Dynamics: a statistical approach. 1790–1822. A time of shocks

Abstract

Introduction. The Russian Empire foreign trade of the 19th century may be studied using a reliable source: foreign trade yearbooks. The yearbooks, first published in Russia in 1803, were among the first of their kind in the world, they provide the longest-running regular statistics for Russia. Various aspects of Russian foreign trade have been extensively studied, however we still have yet to construct and examine statistical series that could be derived from this basis. This article starts a series on the 19th century Russian foreign trade statistics, aimed at outlining a general approach for such a study. The purpose of this article is to examine, using official statistics, the Russian exports and imports dynamics during the reign of Alexander I, a period when foreign trade was strongly determined by foreign policy circumstances.

Materials and Methods. The study is based on constructing a time series of foreign trade statistics both for individual indicators and as a whole. Monetary statistical indicators are compared using conversions into 1840 silver rubles.

Results. The study begins by presenting the overall dynamics of Russia's exports and imports during the chosen period. This demonstrates a profound decline in trade throughout the Napoleonic Wars. However, examining the beginning and end of the period reveals a slight upward trend in trade.

Discussion and Conclusion. Several time series are examined in more detail. It is shown that the structure of both Russia's exports and imports changed little during this period. An increase in cereal exports is noted in certain years following crop failures in Europe. An interesting process of a short-term surge in Russia's re-export trade of colonial goods (coffee, spices, etc.), previously unknown in the literature, is noted.

Keywords: historical statistics, time series, foreign trade, the Russian Empire, economic history, the Continental System, the Napoleonic Wars.

For citation: Valetov T. Ya. The Russian Empire Foreign Trade Dynamics: a statistical approach. 1790–1822. A time of shocks. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(4): 332–338. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.071.021.202504.332–338.

Введение

История внешней торговли Российской империи обеспечена регулярной статистикой лучше, чем у большинства других стран мира. Статистический ежегодник внешней торговли начал издаваться в Санкт-Петербурге с выпуска за 1802 г.; торговая статистика начала печататься раньше только в Великобритании (с 1699 г.) и в США (с 1799 г.). В каталогах библиотек этот ежегодник располагается обычно по своему названию в последние десятилетия: «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам», хотя в первой половине XIX в. он назывался по-другому¹. Когда Россия присоединилась к континентальной

блокаде, издание ежегодника приостановилось, но с 1812 г. уже снова увидело свет, и далее оно не прерывалось вплоть до 1917 г. Со временем ежегодник модифицировался [3], в 1884 г. он был дополнен ежемесячным журналом. Последним увидел свет уже в Петрограде в 1917 г. «Обзор внешней торговли» за 1915 г., но ежемесячный журнал, в декабре дававший сводку за год, продержался до 1918 г. и успел выпустить сведения за весь 1917 г., после чего почти без перерыва был продолжен уже изданиями РСФСР, поначалу сохранявшими ту же форму. В целом это богатый комплекс источников, позволяющий строить длинные ряды различной торговой статистики, и мы

¹ Государственная торговля [1802–1807] года в разных ее видах. СПб., [1803–1808]; Государственная внешняя торговля [1812–1822] года в разных ее видах. СПб., [1813–1823].

берем статистические данные в основном именно из этого источника.

Ежегодник внешней торговли России более чем на полвека опередил любые другие регулярные статистические издания империи: даже роспись статей государственного бюджета стала публичной только с 1866 г. Собственно, в большинстве стран регулярная статистика начинается с внешнеторговой, представляющей для правительства особый фискальный интерес [17, р. 2]. Для изучения же отечественной истории это означает, что в наличии есть набор статистических рядов, более или менее характеризующий отечественную экономику всего XIX в. Таможенная статистика, как и любая другая, вызывает немало вопросов, но в принципе является одной из наиболее достоверных, потому что собирается в небольшом количестве хорошо контролируемых пунктов грамотными чиновниками, причем ее сбор не накладывает на ее низовых сборщиков обременительных обязанностей, которые бы они могли считать ненужными, а естественно происходит при выполнении ими их основной работы.

Вместе с тем огромное количество накопленной за столетие статистики с трудом поддается обработке даже сейчас, в компьютерную эпоху, и представленные в ежегодниках цифры переходят в историческую литературу как есть, в терминах тех десятилетий, когда они записаны, и в той структуре, которая была принята во время публикации. Чем ближе к XX в., тем меньшую проблему это составляет, но динамика статистики внешней торговли всего XIX столетия все еще недостаточно изучена. Наиболее близкой к поставленной задаче является публикация сводной ретроспективной статистики, предпринятая статистическим отделением Департамента таможенных сборов Министерства финансов в 1902 г. под редакцией управляющего отделением В. И. Покровского, т. е. ровно теми людьми, которые занимались подготовкой ежегодников [11]. Историки часто ссылаются на сводные ряды этого сбор-

ника. Они в самом деле весьма полезны, не говоря уже об историческом описании торговли, рассмотренной начиная прямо с Киевской Руси, но многое тогда осталось неразработанным. Это понятно даже из названия: сборник называется первым томом, но второго не последовало.

Конечно, вопросы внешней торговли Российской империи поднимались в огромном множестве работ, в том числе посвященных относительно долгому периоду. Кроме упомянутого сборника 1902 г., описание статистики внешней торговли сделал в 1835 и в 1850 гг. редактор «Коммерческой газеты» Г. П. Неболсин [7; 8], на более широком периоде (но и более поверхностно) движение российской торговли рассматривали другие авторы. Тарифная политика и вообще хронология распоряжений правительства по внешнеторговой части подробно изложены в ряде серьезных монографий [2; 6; 10; 12]. В литературе рассматривались вопросы торговли России отдельными товарами, с отдельными странами, по избранному направлению в тот или иной период; специальные исследования посвящены вопросам организации внешней торговли России. Вместе с тем комплексное изучение торговой статистики до сих пор не проведено в надлежащей степени. Вопросы общей динамики внешней торговли и ее структуры остаются в значительной степени неразработанными.

Данная статья является первой в серии статей, в которых ставится задача описать движение внешней торговли за время «долгого XIX века» и по возможности представить ее общее направление и периодизацию на основе опубликованной статистики. Мы постараемся показать, какую серьезную эволюцию прошла внешняя торговля России в рассматриваемый период и почему она так изменялась по мере экономического развития как России, так и мирового рынка.

Первая статья серии посвящена времени правления Александра I, эпохе больших европейских войн и их последствий. Мы закончим этот период 1822 г., после которого

в Российской империи вступил в действие новый таможенный тариф для европейской торговли. Так получилось, что тариф 1822 г. обозначил окончание эпохи нестабильности и перевел русскую торговлю в следующий период, о котором будет написано позднее.

Материалы и методы

В работе используется историко-сравнительный метод. Основное внимание сосредоточено на изучении динамики экспортной и импортной статистики, как она показана в регулярных ежегодниках отечественной внешней торговли.

Все денежные показатели по тексту для надлежащего сравнения пересчитываются в рубли 1840 г. В источниках они показаны в ассигнациях. Основанием для пересчета является новая динамика среднегодовых показателей курса ассигнаций к серебру на Санкт-Петербургской бирже, рассчитанная для выходящей в следующем году статьи². При этом не учитывается, что для отношения серебряного рубля к ценности товаров тоже следовало бы применять какой-то дефлятор: в историографии до сих пор нет индекса цен на большую часть XIX в.

Результаты исследования

Общая динамика внешней торговли России в рассматриваемый период определялась в первую очередь военно-политическими обстоятельствами, которые одно за другим приносили в эту область разнообразные ограничения и порой резко меняли правила. На этом фоне уже начались процессы перехода мировой экономики в новое состояние, обусловленное промышленным развитием европейских стран, прежде всего Англии, и подключением Америки к деятельности европейской торговли. В первой четверти XIX в. эти процессы еще мало сказывались на торговле России, глубоко погруженной в проблемы войны и мира.

Динамика объемов внешней торговли, как показано на рис. 1, была неравной. В начале периода торговля росла, особенно заметно – в первые годы правления Алексан-

дра I, 1800–1803 гг., когда как экспорт, так и импорт поднялись в 1,5 раза. Одновременно заметно укрепился и курс ассигнационного рубля. Ассигнации потеряли в цене после Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и затем продолжали обесцениваться до 1800 г. Среднегодовой курс ассигнационного рубля в 1800 г. дошел до 65 коп. серебром, но в первой половине 1802 г. поднялся до 70 коп., а с декабря 1802 до августа 1805 г. держался на уровне 78–80 коп. серебром. Начало масштабных Наполеоновских войн (т. е. с войны против Третьей коалиции, которая началась летом 1805 г.), конечно, привело к дезорганизации европейской торговли, и торговля начала резко сокращаться. В 1808 г., в первый и наиболее тяжелый год присоединения России к континентальной блокаде Наполеона, экспорт упал вдвое по сравнению с 1805 г., до уровня, на котором не находился с 1791 г., а импорт сократился в 2,6 раза (он не был таким низким с 1785 г.). Вместе с тем динамика на рис. 1 наглядно показывает, что не только континентальная блокада (как часто говорится в историографии), а Наполеоновские войны в принципе оказали резко негативное воздействие на торговлю. Со снижением торговли резко упал и денежный курс; ему удалось стабилизироваться только в ноябре 1810 г. на уровне 25 коп. серебром. После победы над Наполеоном и нормализации торговых коммуникаций в Европе экспорт и импорт России быстро вернулись к старому тренду; при этом возникли резкие пики экспорта в 1816–1817 гг. (что было связано с повышенным спросом Европы на сельскохозяйственную продукцию, см. ниже) и импорта в 1820 г. (из-за действия фритредерского тарифа, также см. ниже).

Обсуждение

Динамика торговли всего XIX в. и особенно рассматриваемого периода сильно зависела от тарифной политики. Основным фактором, определявшим экономические связи Российской империи на европейской границе XVIII в., являлась военно-полити-

² Валетов Т. Я., Дмитриева А. В. Новые данные о динамике курса ассигнаций в 1802–1839 гг. (В печати).

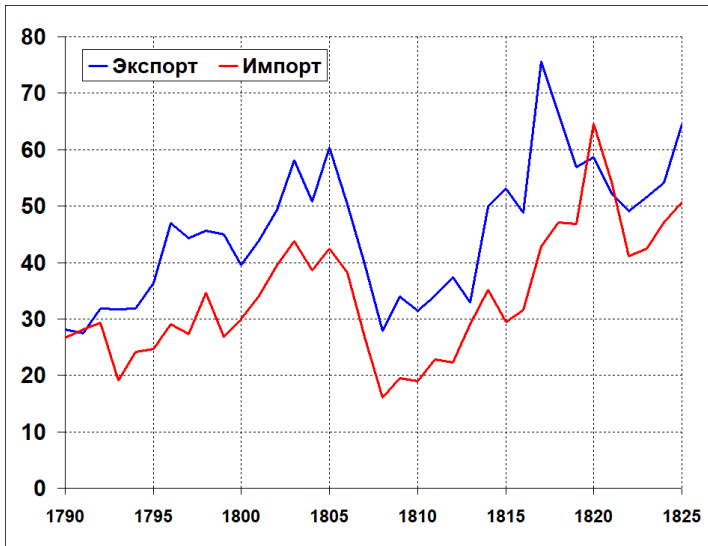

Рис. 1.
Динамика общей стоимо-
сти экспорта и импорта
Российской империи
в 1790–1825 гг., млн руб.
1840 г.*/
Fig. 1.
Dynamics of the Russian
Empire exports and imports
total value in 1790–1825
(in mln of the 1840 rubles)

* Источник данных в ассигнационных рублях: 1790–1797 гг. [19, s. 2]; 1797–1815 гг. [1, табл. III]; 1816–1825 гг.: Государственная внешняя торговля [1816–1825] года в разных ее видах. СПб., [1817–1826].

ческая обстановка. Несмотря на существование общего торгового тарифа (1782 г.³), вплоть до окончания Наполеоновских войн большое значение имели отдельные указы, относившиеся к торговле с той или иной страной.

С 1793 г. Россия подключилась к противостоянию с Францией, и на французскую торговлю был наложен запрет⁴. Павел I, взойдя на трон, утвердил новый тариф⁵ и снял некоторые ограничения, но вступление России в войну в составе Второй коалиции привело к появлению в 1798 г. нового запрета: теперь аресту подлежали французские товары на кораблях любых наций⁶. После боевых действий 1799 г., выхода России из коалиции и заключения союза с Францией против Англии произошла смена курса: уже английские товары, которые находились в лавках, предписано было описать и запре-

тить к продаже⁷. К концу 1800 г. постепенно запретили привозить в Россию целый ряд товаров: сначала стекло, затем фарфор, фаянс, сталь, любые европейские ткани (а они, прежде всего английские, составляли наибольшую импортную категорию). Иногда запреты сопровождались словами: «По достаточному количеству выделяемого в России», по сути, они имели антианглийскую направленность⁸. Череду запретов дошла до того, что 11 марта 1801 г. император запретил торговлю сухопутную и на кораблях под любыми флагами без специального на то разрешения⁹. В следующую же ночь он был убит, и уже в первые дни наложенные ранее запреты были сняты¹⁰.

2 апреля вышел программный манифест нового царствования, который провозглашал курс на свободную торговлю с минимальными ограничениями¹¹. Его старались

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I). № 15520 от 27.09.1782.

⁴ См.: ПСЗ-I. № 17111 от 08.04.1793. Приложение: ПСЗ. Книга тарифов. III. Общее дополнение к тарифам. С. 43–46.

⁵ См.: ПСЗ-I. № 18202 от 12.10.1797; № 18207 от 14.10.1797.

⁶ См.: ПСЗ-I. № 18554 от 17.06.1798.

⁷ См.: ПСЗ-I. № 19660 от 22.11.1800.

⁸ См.: ПСЗ-I. № 19620 от 25.10.1800; № 19665 от 25.11.1800; № 19685 от 13.12.1800; № 19697 от 23.12.1800.

⁹ См.: ПСЗ-I. № 19775 от 11.03.1801.

¹⁰ См.: ПСЗ-I. № 19783 от 14.03.1801; № 19791 от 16.03.1801.

¹¹ См.: ПСЗ-I. № 19812 от 02.04.1801.

сохранять в первые годы царствования Александра I, хотя говорить о полноценной торговле в условиях войн на европейском континенте, конечно, не приходится. Тем не менее торговля была весьма значительной: согласно официальным данным, за 1803 г. в балтийские порты России пришло 2 863 корабля (различных немецких, датских, шведских, английских), а ушло 2 906. В 1805 г., несмотря на присоединение России к Третьей антифранцузской коалиции, их количество увеличилось: пришло 3 818, ушло 3 529 кораблей¹² (хотя общая стоимость товаров немного сократилась).

Заключение в июне 1807 г. Тильзитского мира серьезно повлияло на внешнеполитическое положение России, поскольку по условиям договора Россия присоединялась к континентальной блокаде, с помощью которой Наполеон планировал подорвать экономику Англии. Та же (напрямую или через посредников) являлась главным покупателем важнейших товаров российского экспорта, и для России это было невыгодно. Ситуация усугублялась тем, что главенствующий на море английский флот становился враждебным, а он мог блокировать морскую торговлю России. Несмотря на это, правительство сначала прилагало реальные усилия к соблюдению условий Тильзитского договора [4, с. 143–183].

Как мы видим на рис. 1, в годы блокады внешняя торговля ощутимо сократилась. Пострадал прежде всего балтийский экспорт: уже в 1806 г. он понизился с 40 до 36 млн руб. (из-за военных действий и блокады англичанами немецких торговых городов), а в 1807 г. – до 29 млн руб. (хотя декларация о разрыве мира с Англией и указ о наложении эмбарго на английские корабли были выпущены после завершения навигации). 1808 г. стал годом наиболее тяжелого падения торговли. В течение всей

навигации 1808 г. шла война со Швецией, а английский флот действительно закрыл балтийскую торговлю для России: в Санкт-Петербург за год пришло всего 65 кораблей (всех наций) против 762 в 1807 г. [9, с. 251], балтийский экспорт упал по отношению к плохому 1807 г. в 4 раза, а импорт – в 5 раз, он составил 3,6 млн руб., причем его большая часть переместилась из Санкт-Петербурга в Ригу¹³. Суммарный экспорт 1808 г. сократился, по официальным данным, до 27,8 млн руб., импорт – до 16 млн руб. В 1809 г., с одной стороны, англичане заметно ослабили контроль на море, с другой – в торговле с Россией (особенно через Архангельск) стали участвовать корабли США (в 1808 г. у них действовал запрет на торговлю со всей Европой) [14, с. 200–201; 16, р. 100–191]. Торговые обороты России 1809 г. выросли и составили: экспорт – 33,9 млн руб. (в ассигнационных рублях он превысил даже экспорт 1806 г.), импорт – 19,5 млн руб.

Мнение императора о необходимости строгого соблюдения условий блокады постепенно менялось, причем правительство больше беспокоилось о падении экспорта, чем импорта. В конце 1810 г. был принят новый таможенный тариф¹⁴. По-прежнему запрещался привоз многих готовых промышленных товаров (в том числе тканей), однако разрешался ввоз того, в чем была острая нужда у отечественных фабрик (пряжа, краски, шерсть и шелк, сахарный песок, оливковое масло, железные инструменты и др.). Запрет на торговлю с англичанами не снимался, но порядок проверки товарных документов упростили, а контроль за перевозчиками нейтральных стран ослабили. Начало Отечественной войны положило конец блокаде, резко снизились цены на импортные товары¹⁵. Рост торговли продолжился, но о заметном росте экспорта

¹² См.: Государственная торговля 1803 года в разных ея видах. СПб., [1804]. № 22; Государственная торговля 1805 года в разных ея видах. СПб., [1806]. № 22.

¹³ См.: Отчет министра коммерции за 1808 г. // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1162. Оп. 9. Д. 26. Л. 82 об.

¹⁴ См.: ПСЗ-I. № 27988 от 20.11.1819.

¹⁵ См.: Санкт-Петербургский прејскурант. 1812. № 14–65.

можно говорить только с 1814 г., импорта – с 1816 г.

По окончании Наполеоновских войн и в обществе, и в правительстве разгорелась дискуссия между сторонниками фритредерства и протекционизма. Первые, увлеченные идеями Адама Смита, выступали за максимальное ослабление пошлин и запретов. Их аргументация сводилась к тому, что ограничение на ввоз импортного товара ведет к его удорожанию для потребителей, к снижению пошлин и росту контрабанды. В условиях, когда отечественным промышленникам не приходится конкурировать с иностранными, им не нужно развивать производство, поскольку они и без того получают достаточную прибыль от завышенных цен. Немаловажным являлся аргумент об уровне, наносимом посреднической торговле России, т. е. перепродаже европейских товаров на азиатские рынки, прежде всего сукна в Китай.

Сторонники протекционизма же говорили, что свободный импорт иностранных мануфактурных товаров приведет к разорению отечественной промышленности, которая не готова еще выдерживать конкуренцию, и к отрицательному торговому балансу, причем иностранцы будут получать прибыль, переделывая русское сырье в готовые товары и продавая их в Россию. Особенно важным аргументом сторонников протекционизма было опасение утраты стратегической самостоятельности отечественной экономики в случае прекращения защиты собственных промышленных предприятий от более сильных иностранных конкурентов.

Европейская дипломатия после окончания Наполеоновских войн ратовала за наступление эпохи мира, сотрудничества и торговли, которую не будут стеснять запреты. Учитывая эти настроения, император склонился к идее о желательности ослабления ограничительной системы.

Первым шагом на этом пути стал введенный в 1816 г. новый тариф¹⁶, оставивший запреты на многие виды тканей, железные изделия, фарфоровую и стеклянную посуду, но разрешивший ввоз части умеренно дорогих тканей, железных изделий, писчебумажного товара, готового платья и пр. Тариф 1816 г. был умеренно запретительным, но стал только первым шагом к снятию таможенных запретов, и это было вызвано не экономическими, а дипломатическими соображениями. Присоединив Царство Польское, Россия подписала обязательства о свободном доступе туда прусских и австрийских товаров, после чего встала перед выбором: либо установить таможенную границу между Россией и Польшей и без борьбы отдать немцам экономическое доминирование в данном регионе, либо открыть свободную торговлю по всей границе России, если она открыта на значительном участке через Польшу [10, с. 205–216]. Предпочтение сначала было отдано первому варианту.

Новый таможенный тариф 1819 г.¹⁷, единый для России и Царства Польского, снимал почти все ограничения на импорт и сильно опускал пошлины на некоторые промышленные товары [6, с. 187–190]. В результате российский рынок наполнился качественными промышленными товарами иностранного производства, запрещенными к ввозу ранее. Они пользовались спросом, а многие отечественные фабрики действительно не выдерживали конкуренции и не находили сбыта. Баланс внешней торговли стал отрицательным, а предприятия начали разоряться. Притом оказалось, что Пруссия и другие державы в той или иной степени продолжили политику протекционизма, стесняющую российский экспорт. Поэтому уже к концу 1821 г. правительство решило вернуться к протекционизму, и с начала 1823 г. вступил в силу новый таможенный тариф, защищающий

¹⁶ См.: ПСЗ-I. № 26218 от 31.03.1816.

¹⁷ См.: Там же. № 27988 от 20.11.1819.

¹⁸ См.: Там же. № 28964–28965 от 12.03.1822.

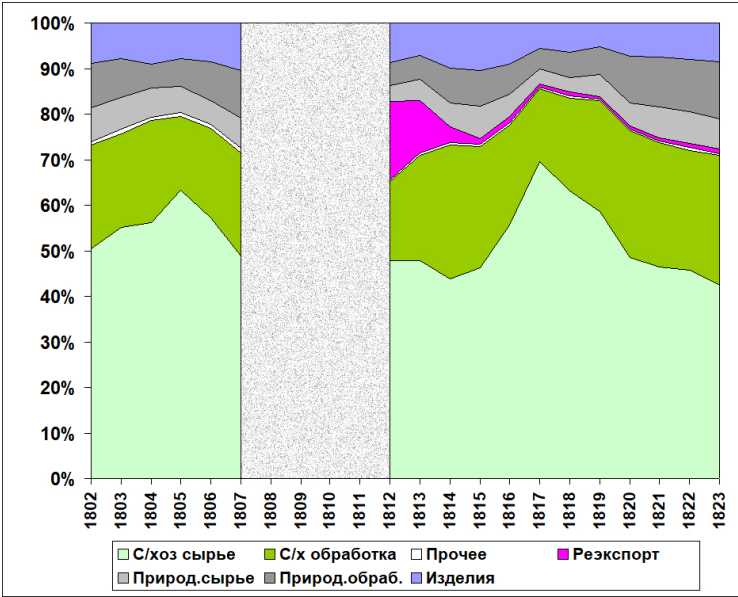

Рис. 2. Динамика структуры экспорта Российской империи, 1802–1823 гг. (в процентах от общей стоимости экспорта) / Fig. 2. Dynamics of the Russian Empire exports structure, 1802–1823 (as a percentage of the total value of exports)

отечественную промышленность¹⁸, а Польша была вынесена за таможенную границу России¹⁹.

Обратимся теперь к рассмотрению структуры внешней торговли России.

К концу XVIII в. Российская империя стала страной, которая поставляла на европейский рынок значительное количество непродовольственного сырья и обработанной продукции²⁰. Главными товарами европейского вывоза 1793–1795 гг. были пенька (19,6 % стоимости всего экспорта), полотно и холст (12,2), лен (12,2), железо (11,6), топленое сало (10,9), юфть и прочие выделанные кожи (6,6 %) [19, с. 34]. Россия вывозила и продовольствие, прежде всего хлеб в зерне и муке (всего 6,7 % от общей стоимости экспорта в указанный период), а также икру, топленое масло, рыбу, мясо, мед, но все это уже в относительно небольших объемах.

Для понимания роли экспорта в общем экономическом развитии страны лучше рассматривать динамику внешней торговли в процентном отношении по крупным группам. Если поделить экспорт на группы сы-

рья сельскохозяйственного происхождения, сырья добывающих отраслей (ископаемые, лесные ресурсы и т. д.), обработанных материалов этих групп, готовых изделий и реекспортных товаров, то складывается картина, показанная на рис. 2.

Какой-нибудь особенной динамики структура экспорта первой четверти XIX в. не показывает. Мы видели, что абсолютные показатели вывоза в целом увеличивались, и получается, что различные составляющие вывоза росли примерно одинаково.

Основной (по стоимости) была группа сырой и обработанной продукции сельского хозяйства – 70–80 % от всего экспорта. Это и неудивительно: мы говорим об аграрной стране, в которой по итогам экономического развития XVIII в. были неплохо развиты некоторые отрасли промышленности, в особенности важные для армии и флота, но ориентировка преимущественно на государственные нужды, а не на рынок ограничивала это развитие. Вместе с тем в группе сельскохозяйственных товаров была не так уж мала доля обработанной продукции (в основном салотопенной, мас-

¹⁹ См.: ПСЗ-I. № 29149 от 01.08.1822.

²⁰ См.: О успехах коммерции. М., 1796. С. 48.

лобойной и кожевенной отраслей): она составляла 20–30 % от всего экспорта. Далее, от 10 до 20 % экспорта приходилось на продукты добычи природных ресурсов природной добычи, из них половина – на уральские металлы: железо и медь. Доля товаров, именуемых в источнике «готовыми изделиями» (ткани, канаты, металлические и кожаные изделия, свечи, мыло и др.), была относительно небольшой – на уровне 10 % от всего экспорта. Из-за этого в историографии распространено мнение, укоренившееся даже в учебниках, что вывоз промышленной и кустарной продукции из России был как раз примерно таким²¹. С данным подходом трудно согласиться, потому что в любом описании экономического развития России не только в доиндустриальную эпоху, но и в более поздний период предприятия, на которых сырье проходит обработку невысокой степени передела, определенно учитываются в составе промышленности, пусть даже мелкой и кустарной. Почему, говоря о промышленном развитии страны, мы учитываем кожевенные, салотопенные, мукомольные, маслособойные и прочие предприятия и их рабочих в составе промышленности (не говоря уже о металлургических заводах), а их продукцию в экспорте не считаем промышленной?

Представляется, что причина состоит только в следовании за источником, который задал иную структуру, а еще в сложности пересчета статистических данных, но в наше время подход к определению промышленного экспорта требует корректировки. Если собрать вместе долю «готовых изделий» и обработанной продукции сельскохозяйственных и природных продуктов, то оказывается, что «промышленный» экспорт в первой четверти XIX в. составлял не 8–10 %, а 30–45 % всего вывоза по стоимости. В этом экспорте особенно много было топленого сала, которое все в больших количествах требовалось Европе для свечно-

го и мыловаренного производства, а также как смазочный материал на флоте, в армии и для различных механизмов, начинавших занимать важное место в промышленности.

С другой стороны, развитие европейской промышленности и огромный рост непродовольственных затрат на войну приводили и к стабильному спросу на сырье. При этом спрос на сельскохозяйственное сырье тогда и в Западной Европе, и в России зависел от периодических неурожаев, связанных с погодными условиями и прочими природными обстоятельствами. Британия, как крупнейший импортер зерна, уже в XVIII в. привозила много муки и зерна из Америки, но в годы неурожая покупала немало и в России. Прежде всего этим объясняются пики роста доли сельскохозяйственного сырья в структуре русского экспорта в 1805 и в 1816–1817 гг. (см. рис. 2), равно как и рост общей стоимости экспорта в эти годы (см. рис. 1). По опубликованной статистике, цены на хлеб в Англии именно в это время – в 1805 и в 1817 гг. – испытывали пики роста, в 1,5 раза превышая таковые за два – три года до этого [18, р. 32].

В частности, в 1816–1818 гг. вывоз хлеба поднялся очень сильно: в 1817 г. продали в 3,7 раза больше пшеницы, чем в 1815 г., ячменя – в 3 раза, ржи – в 9 раз, и с учетом того, что еще и цены поднялись, общая стоимость хлебного вывоза увеличилась в 7 раз – до 36,7 млн руб. в 1817 г. против 5,4 млн руб. в 1815 г. Поскольку стоимость всего экспорта в 1815 г. составляла 52 млн руб., прибавка на хлебном экспорте в 30 млн руб. в 1817 г. привела к общему увеличению вывоза в 1,5 раза по сравнению с 1815 г., а еще через два года она вновь упала – на 19 млн руб. Рекордный для своего времени, превзойденный потом только в 1847 г., вывоз 1817 г. связан с тяжелыми неурожаями 1816 г. как во всей Европе, так и в Северной Америке, случившимися из-за рекордно холодного лета. (1816 г. в англий-

²¹ См.: История России XIX – начала XX в.: учеб. для ист. ф-тов ун-тов / под ред. В. А. Федорова. М., 1998. С. 25.

ской историографии даже имеет особое название – «Год без лета»; ему посвящен довольно большой объем литературы. Считается, что причиной природных аномалий нескольких лет на всей планете было извержение вулкана Тамбора в Индонезии в 1815 г. В Европейской России, однако, похолодания практически не было, и урожаи были хорошими. Вопрос о том, каким образом могло так получиться, квалифицированно обсуждается в монографии, изданной Канадским музеем природы [20].)

Хлебный экспорт России был преимущественно зерновым; вывоз крупы, муки и сухарей составлял от 1 до 5 % суммарной стоимости хлеба. Главной вывозной хлебной культурой была пшеница (50–80 % от всей стоимости хлеба), за ней следовала рожь (20–50); вывоз ячменя и овса редко составлял более 10 % от всей стоимости хлеба. В начале периода, когда черноморский экспорт находился на этапе становления и производство хлеба в южной России на него почти не ориентировалось, а хлеб вывозился в значительном количестве через Балтику, периодически ржи вывозилось больше, чем пшеницы, но в последний раз такое случилось в 1814 г., а далее вывоз ржи снизился до 10–20 % от общей стоимости хлеба. Важно отметить, что хлеб в рас-

сматриваемый период был хотя и важной статьей вывоза, но в основном, за исключением указанных лет, не главной. Это показывает табл. 1, в которой представлена доля в суммарном экспорте главных товарных категорий (превышающих 2,5 % вывоза каждая) по трехлетиям в начале и в конце первой четверти XIX в.

Обращает на себя внимание падение вывоза пеньки, которой в 1800-е гг. продавалось более 3 млн пудов ежегодно, а с наступлением мирного периода повсеместно стали строить и ремонтировать меньше кораблей, так что потребность в сырье для канатного производства повсеместно снизилась, и пеньки вывозилось не более 2,5 млн пудов в год. Несколько сократился и вывоз железа, обусловленный успехами английской железоделательной промышленности.

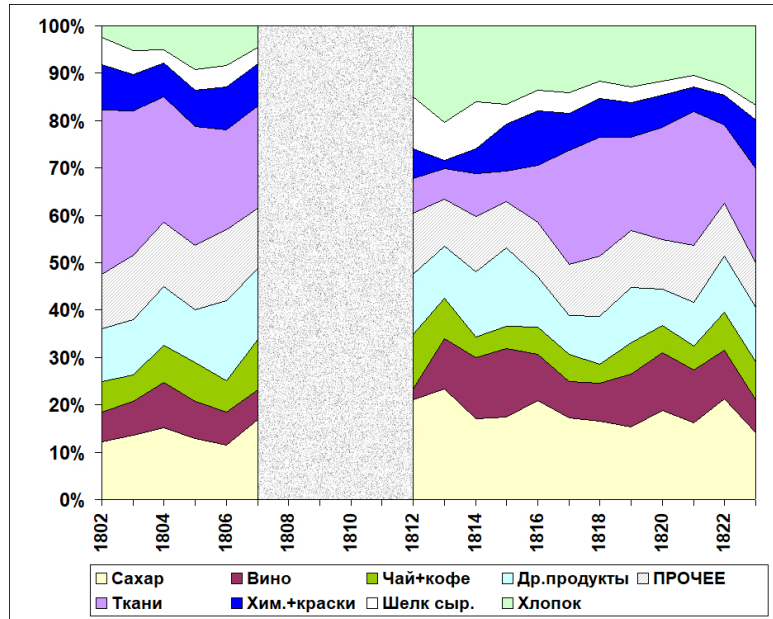
Из-за того что публикация торговой статистики прерывалась во время континентальной блокады, мы, к сожалению, не можем увидеть, насколько чувствительно сказалась блокада на структуре экспорта. Статистику вывоза наиболее важных товаров в динамике с учетом 1808–1811 гг. привел Г. П. Неболсин, который, как редактор официальной «Коммерческой газеты», имел доступ к неопубликованной статистике [7, ч. I, таблица]. К сожалению, она

Таблица 1
Доля важнейших товаров в русском экспорте в разные моменты
(по стоимости, % к общему экспорту соответствующего времени) /
Table 1

The principal commodities share in Russian exports at different triennial periods
(by values, as a percentage of total exports of the corresponding time)

1802–1804 гг.	1819–1821 гг.
Пенька / Hemp: 17,9 %	Сало / Tallow: 20,7 %
Хлеб / Cereals: 16,9 %	Хлеб / Cereals: 17,6 %
Сало / Tallow: 16,4 %	Лен / Flax: 11,9 %
Лен / Flax: 10,7 %	Пенька / Hemp: 10,9 %
Железо / Iron: 5,9 %	Семя масличное / Linseed & Hempseed: 5,4 %
Текстиль / Cloth: 5,9 %	Текстиль / Cloth: 4,6 %
Семя масличное / Linseed & Hempseed: 3,6 %	Медь / Copper: 4,4 %
Меха / Furs: 3,3 %	Меха / Furs: 2,9 %
Кожи выделанные / Leather: 3,0 %	

Рис. 3. Динамика структуры импорта Российской империи, 1802–1823 гг. (в процентах от общей стоимости импорта)
 Fig. 3. Dynamics of the Russian Empire imports structure, 1802–1823 (as a percentage of the total value of imports)

так и осталась неопубликованной и вряд ли дошла до нашего времени, а он показал динамику торговли только в натуральных единицах, поэтому объемы вывезенного льна и сала трудно сопоставить друг с другом, хотя объемы продажи разных важных товаров за 1806–1810 гг. в натуральных единицах имеют интересную и различную динамику.

В 1812–1813 гг. неожиданно вдруг возникла большая экспортная перепродажа колониальных товаров. В 1812 г. при общем вывозе в 35,4 млн руб. (139 млн руб. ассигнациями 1812 г.) из России был вывезен кофе на 2 млн руб., сахар на 1,9 млн, хлопок на 1,6 млн, индиго на 273 тыс., колониальные пряности на 275 тыс. руб. (перец, гвоздика, мускат и корица). Этот реэкспорт, которого ранее не бывало, продолжился в меньших объемах в 1813 г., а потом обратно сошел на нет. Хотя нам не удалось найти подтверждений в источниках, представляется, что короткий всплеск экспорта колониальных товаров из России связан с временным переносом посреднической торговой деятельности из немецких (Ганзейских) городов, оккупированных Францией.

Импорт России, как это видно из рис. 2, в значительной части состоял из небольшого набора товаров.

Часть импорта первой четверти XIX в. приходилась на продовольствие (сахар, чай, вино, фрукты и орехи, соль, пряности, сельдь и т. д.). Доля этой категории на протяжении всего периода была стабильной (40–45 % от общей стоимости импорта), значительных изменений внутренней структуры «жизненных припасов» тоже не видно. Самым значительным в этой группе был привоз сахара, внутренних источников производства которого в России в то время не было. В 1800–1815 гг. сахара импортировалось на 3–5 млн руб., после 1816 г. – на 6–8, до 10 млн руб., и даже более чем на 12 млн руб. в 1820 г., в первый год действия фритредерского тарифа.

Сахар можно было привезти рафинированный, готовый к конечному потреблению («в головах»), и в виде сахарного песка – совсем не такого, к которому привыкли мы, а представлявшего собой кристаллизованный неочищенный сахарный сироп, сырье для рафинадных заводов. В 1802–1805 гг. привозили в основном рафинад, его по стоимости выходило в 10–15 раз больше, чем сахарного песка, вместе на 4–5 млн руб. Правительство приняло меры к развитию собственных рафинадных заводов, и

в 1806–1807 гг. рафинада привезли больше уже только в 6–7 раз, чем песка, а в 1811 г. привоз рафинада по европейской границе был и вовсе запрещен. В 1816–1821 гг. рафинад снова разрешили к привозу, но его в импорте стало уже в 3–5 раз менее по стоимости, чем песка, а с 1822 г. опять запретили привозить, и импортировалось только сырье, в основном из Америки (преимущественно с Кубы, намного меньше из Бразилии) [7, ч. 2, с. 230]. Интересно, что рафинадные заводы размещались непосредственно рядом с пунктами привоза сырья (песок, патока и меласса), так что в начале XIX в. вся сахарная промышленность России была сосредоточена в Санкт-Петербурге, Риге и Архангельске.

Самой крупной непродовольственной категорией привоза были ткани всех сортов, в значительно меньшей степени – сырье для их производства, причем, например, хлопок привозили в основном в виде пряжи (машинной английской), а не сырца. Вообще импорт тканей шел по всем границам, в том числе из Персии (особенно по сухопутной кавказской границе на внутреннее потребление недавно присоединенных княжеств), из среднеазиатских ханств и Китая. Однако на фоне морского

европейского привоза, преимущественно английского, азиатский импорт шерстяных и шелковых тканей составлял небольшую часть, 5–10 %. Хлопчатобумажные ткани тоже привозили наполовину из Европы, но столько же покупали в Азии: в 1800-е гг. больше в Китае, в 1810-е гг. – у ташкентских и бухарских купцов.

В целом рис. 3 показывает, что говорить о существенных сдвигах в структуре импорта в первой четверти XIX в. не приходится так же, как и в экспорте. Рассмотрим, как и для экспорта, долю важнейших товаров в общей стоимости импорта в начале и в конце периода (так же по трехлетиям, не менее 2,5 % общей стоимости трехлетнего импорта). Для табл. 1 (по экспорту) мы взяли период с 1819 по 1821 г., чтобы избежать влияния аномального вывоза хлеба, а для табл. 2 (по импорту) придется взять трехлетие 1817–1819 гг., чтобы не включать аномальное влияние тарифа 1819 г.

Табл. 2 также показывает нам, что картина импорта Российской империи за 15 лет изменилась мало, она имела ярко выраженный потребительский характер. В структуре привоза можно увидеть усиление позиций сырья для текстильного производства (хлопок, шелк, краски – преимущественно

Таблица 2
Доля важнейших товаров в русском импорте в разные моменты
(по стоимости, % к общему импорту соответствующего времени) /
Table 2

The principal commodities share in Russian imports at different triennial periods
(by values, as a percentage of total imports of the corresponding time)

1802–1804 гг.	1817–1819 гг.
Текстиль / Cloth: 30,7 %	Текстиль / Cloth: 22,8 %
Сахар / Sugar: 13,6 %	Сахар / Sugar: 16,3 %
Алкоголь / Alcohol: 7,6 %	Хлопок (с пряжей) / Cotton: 12,9 %
Краски / Dyes: 5,3 %	Алкоголь / Alcohol: 8,9 %
Шелк / Raw silk: 4,5 %	Краски / Dyes: 6,2 %
Чай / Tea: 4,4 %	Шелк / Raw silk: 3,7 %
Хлопок (с пряжей) / Cotton (raw & twisted): 4,2 %	Фрукты и орехи / Fruits and Nuts: 3,0 %
Фрукты и орехи / Fruits and Nuts: 4,1 %	Чай / Tea: 2,8 %
Соль / Salt: 3,0 %	Кофе / Coffee: 2,7 %
	Соль / Salt: 2,5 %

индиго, кошениль, крап и сандал). Однако пока уровень в 2,5 % импорта не могли еще преодолеть не только машины по отдельности (0,06 % импорта 1817–1819 гг.), но и все инструменты, приборы, металлические изделия вместе взятые – всего 2,2 % общего привоза 1817–1819 гг.

До 1827 г. статистика внешней торговли России не показывала разделения торговли по странам назначения товаров и их происхождения. Приводилось разделение торгового флота в портах по кораблям «разных наций», и с 1813 г. даже было показано, из каких стран корабли прибыли и в какие отправались, но принимать эти показатели за распределение торговли по странам можно только очень приблизительно, потому что статистика не показывает, какие товары привозили и увозили эти корабли, а регистрирует только их грузовой тоннаж. Скажем, однако, что доминирование английских кораблей в мирные годы было подавляющим, привоз из Англии и вывоз в Англию был тоже самым большим, но Англия в принципе была крупнейшим морским посредником в мире и во множестве перепродавала товары одних стран другим.

Таможенная статистика, однако, показывала распределение статистики по направлениям, и по ней мы можем увидеть значение азиатской торговли. Географическое положение России издавна делало важной прямую и посредническую торговлю с азиатскими странами, однако уже к началу XIX в. роль морской торговли в мире стала настолько существенной, что места для посреднической торговли России оставалось немного. Суммарный вывоз по азиатской таможенной границе составлял 7–12 % от общего вывоза России, привоз – 10–17 % от всего привоза. Азиатская торговля осуществлялась с теми регионами, до которых не могла достать морская торговля европейцев и американцев: с Кавказом и, через

Кавказ, – с северо-восточной Турцией, с прикаспийскими провинциями Персии, со Средней Азией, с Северным Китаем.

Русско-китайская торговля почти вся велась караванным путем через Кяхту, как и в XVIII в. Кяхтинская торговля была меновой, т. е. экспорт был строго равен импорту, а продажи на серебро не было ни с одной стороны. Статистика русско-китайской торговли известна, в том числе за годы отсутствия торгового ежегодника²². В первые годы XIX в. (до 1806 г.) стоимость этой торговли составляла 3–4 млн руб., т. е. 8–10 % всего торгового оборота России, в первые годы континентальной блокады – даже до 12 % оборота. За 1808–1812 гг. она сильно сократилась в абсолютном выражении из-за проблем с поставками транзитных европейских товаров (сукна) и потом находилась в пределах 1–2 млн руб. в год, 3–4 % общего торгового оборота России.

Во второй половине XVIII в. важнейшим предметом привоза из Китая были плотные хлопчатобумажные ткани (бязь, даба и китайка). Но уже к началу XIX в. важное значение приобрел также импорт чая. В 1802 г. на хлопчатые ткани приходилось 55 % общей стоимости импорта, на чай – 42 %. Однако импорт тканей быстро уменьшался, а импорт чая рос; они сравнивались уже в 1804 г., с 1813 г. на чай приходилось не менее 70 % всего китайского импорта, с 1820 г. – не менее 80 %. Импорт тканей в 1820-е гг. составлял уже менее 5 % от всей стоимости: в 1802 г. их было променено на 1,75 млн руб., в 1812 г. – уже на 300 тыс. руб., в 1822 г. – менее чем на 230 тыс. руб. В очень небольшом количестве привозились также дорогие шелка. Чай же из Кяхты в 1792 г. было привезено 24,5 тыс. пудов²³, в 1812 – 48 тыс., в 1822 г. – 115 тыс. пудов. Часть чая расходилась на местное потребление, но в основном чай везли через Иркутск на Нижнего-

²² См.: Статистические сведения о торговле России с Китаем. СПб., 1909. С. 6–11. (Труды Статистического отделения департамента таможенных сборов.)

²³ См.: Статистические сведения о торговле России с Китаем. С. 7.

родскую ярмарку, где купцы выменивали новые товары к отправке в Кяхту. Заметим, что значительная часть обмена приходилась на кирпичный чай, т. е. низшего сорта, частично из веток чайного куста, прессованный в «кирпичи» и популярный у кочевников. Кирпичный чай частично расходился между сибирскими народами, калмыками и башкирами российского подданства, а частично перепродавался в Среднюю Азию. В 1792 г. кирпичного чая в Кяхте было променено 11,6 тыс. пудов, что составило 47 % всего чая по массе (но не по стоимости, потому что цена кирпичного чая существенно более низкая, чем байхового). В 1807 г. купили 33,7 тыс. пудов кирпичного чая (только 41 % от общей массы). После 1817 г. кирпичный чай составлял 25–35 % от всей массы [15, с. 83–84].

Вывоз из России в Китай в конце XVIII в. опирался в первую очередь на пушнину. Кяхтинская торговля имела большое значение для развития Российско-Американской компании, доходы которой происходили от добычи пушнины, которая частично отправлялась на кораблях в Санкт-Петербург, но в основном уходила в Кяхту. Постепенно, однако, роль мехов в кяхтинской торговле снижалась, а их место было занято транзитным сукном, привозимым из прусской Силезии и называемым по местам производства мизерицким, масляным и карновым. За 1815–1818 гг. суммарно в Китай было вывезено около 1 млн аршин как русского, так и иностранного сукна (из них 48 % русского) [5, с. 215–216]. Некоторую роль еще играл вывоз выделанных кож, юфти и сафьяна, так же высокий в XVIII в. и постепенно уменьшавшийся.

Значение черноморской торговли в первой четверти XIX в. было еще невысоким: в 1800-е гг. стоимость торгового оборота через Черное море даже в мирные годы составляла 6–7 % от общего внешнеторгового, а к началу 1820-х гг. дошла только до 9–10 %. Только в пиковые 1816–1817 гг. экспорт по Черному морю превысил 20 % от общего экспорта за счет вывоза пшени-

цы, притом по высокой цене. Импорт через Одессу в эти годы оставался низким (за хлеб платили не товарами, а серебром). Однако в эти годы хорошо окупались усилия по налаживанию транспортировки зерна через Одессу, совсем еще тогда молодой порт. Кризис закончился, а налаженная транспортировка продолжила использоваться, и с этого момента объемы одесской торговли начали расти [13].

Заключение

Внешняя торговля России от начала XIX в. до конца первой его четверти мало изменилась как в абсолютном выражении, так и по структуре. При этом она испытала значительный провал в наполеоновскую эпоху 1805–1815 гг., в особенности в начале континентальной блокады. Почти на всем протяжении периода, в соответствии с официальной статистикой, экспорт превышал импорт (значительное превышение импорта было отмечено только в 1820 г., при расцвете действия фритредерского тарифа), но некоторое количество импорта определенно оставалось неучтенным из-за распространения контрабандного привоза.

Основным торговым партнером, особенно по экспорту, была Англия; на азиатскую границу приходилась примерно десятая часть всех оборотов.

По современным оценкам, обороты внешней торговли России составляли 6–8 % от мировой на протяжении всей первой четверти XIX в. (4–5 % во время присоединения к континентальной блокаде)²⁴. Из-за того что российская торговая статистика в этот период была лучше, чем в среднем по миру, эти цифры, вероятно, завышены, но и глобальная торговля того времени представляется не настолько развитой, чтобы это завышение было заметным. Качественно эти цифры говорят о довольно высоком и стабильном тогда международном значении русской внешней торговли. В ближайшем будущем ей предстояло столкнуться с вызовами индустриального развития Европы.

²⁴ См.: Federico G., Tena A. Federico – Tena World Trade Historical Database. URL: https://www.uc3m.es/tradehist_db (дата обращения: 01.06.2024).

Список источников

1. Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816. 52 с.
2. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. 362 с.
3. Дворецкий Е. М. Статистика внешней торговли // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 346–381.
4. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. 360 с.
5. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.
6. Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. 312 с.
7. Неболсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 1–2.
8. Неболсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1–2.
9. Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2003. Ч. 2. С. 249–266.
10. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. 401 с.
11. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В. И. Покровского. СПб., 1902. Т. 1. 331 с.
12. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1–3. 1859.
13. Скальковский А. Историческо-статистический опыт о торговых и промышленных силах Одессы. Одесса, 1839. 88 с.
14. Трошин Н. Н. Экономические последствия Континентальной блокады (1806–1814 гг.) для России // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4. С. 196–209.
15. Щукин Н. С. Чай и чайная торговля в России // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1850. Ч. 30. С. 64–95, 194–211.
16. Crosby A. W. America, Russia, Hemp, and Napoleon: American Trade with Russia and the Baltic, 1783–1812. Columbus, 1965. 320 p.
17. Federico G., Tena-Junguito A. World trade, 1800–1938: a new data-set // EHES Working Papers in Economic History. 2016. No. 93.
18. Kirkland J. Three centuries of prices of wheat, flour and bread. War prices and their causes. London, 1917. 63 p.
19. Storch H. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil des historisch-statistischen Gemäldes des Russischen Reichs: Enthaltend archivalische Nachrichten und Beweisschriften zur neuern Geschichte des russischen Handels. Leipzig, 1803. 70 s.
20. The Year Without a Summer? World Climate in 1816 / ed. by C. R. Harington. Ottawa, 1992. 576 p.

References

1. Arnold K. An Opinion on the Tariff System in Russia. St. Petersburg, 1816, 52 p. (In Russ.)
2. Vitchevsky V. Trade, Customs, and Industrial Policy of Russia from the Reign of Peter the Great to the Present Day. St. Petersburg, 1909, 362 p. (In Russ.)
3. Dvoretzky E. M. Foreign Trade Statistics. *Massovye istochniki po social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma* = Mass Sources on the Russian Socio-Economic History in the Capitalist Period. Ed. by I. D. Kovalchenko. Moscow, 1979, p. 346–381. (In Russ.)
4. Zlotnikov M. F. The Continental System and Russia. Moscow; Leningrad, 1966, 360 p. (In Russ.)
5. Korsak A. Historical and Statistical Review of the Russo-Chinese Trade Relations. Kazan, 1857, 445 p. (In Russ.)
6. Lodyzhensky K. History of the Russian Customs Tariff. St. Petersburg, 1886, 312 p. (In Russ.)
7. Nebolsin G. Statistical Notes on Russian Foreign Trade. Vol. I–II. St. Petersburg, 1835. (In Russ.)
8. Nebolsin G. Statistical Review of Russian Foreign Trade. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1850. (In Russ.)
9. Podmazo A. A. The Continental System as an Economic Cause of the War of 1812. *Epoha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya* = The Epoch of 1812. Research. Sources. Historiography. Part II. Moscow, 2003, p. 249–266. (In Russ.)
10. Pokrovsky S. A. The Foreign Trade and the Foreign Trade Policy of Russia. Moscow, 1947, 401 p. (In Russ.)
11. The Book on the History and Statistics of the Russian Foreign Trade. Ed. by V. I. Pokrovsky. Vol. I. St. Petersburg, 1902, 331 p. (In Russ.)

12. *Semenov A.* A Study of Historical Data on Russian Trade and Industry from the Mid-17th Century till 1858. Vol. 1–3. St. Petersburg, 1859. (In Russ.)
13. *Skal'kovsky A.* Historical and Statistical Experience on the Trade and Industrial Forces of Odessa. Odessa, 1839, 88 p. (In Russ.)
14. *Troshin N. N.* Economic Consequences of the Continental Blockade (1806–1814) for Russia. *Problemy natsional'noy strategii* = Problems of National Strategy. 2018, 4 (49), p. 196–209. (In Russ.)
15. *Shchukin N. S.* Tea and the Tea Trade in Russia. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del* = Journal of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg, 1850, vol. 30, p. 64–95, 194–211. (In Russ.)
16. *Crosby A. W.* America, Russia, Hemp, and Napoleon: American Trade with Russia and the Baltic, 1783–1812. Columbus, 1965, 320 p. (In Eng.)
17. *Federico G., Tena-Junguito A.* World trade, 1800–1938: a new data-set. In: EHES Working Papers in Economic History. 2016, No 93, 297 p. (In Eng.)
18. *Kirkland J.* Three centuries of prices of wheat, flour and bread. War prices and their causes. London, 1917, 63 p. (In Eng.)
19. *Storch H.* Supplementary volume to the fifth, sixth, and seventh parts of the historical-statistical overview of the Russian Empire: Containing archival information and evidence relating to the recent history of Russian trade. Leipzig, 1803, 70 p. (In Germ.)
20. The Year Without a Summer? World Climate in 1816. Ed. by C. R. Harington. Ottawa, 1992, 576 p. (In Eng.)

Поступила 28.07.2025.

Сведения об авторе

Валетов Тимур Якубович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Сфера научных интересов: экономическая и социальная история России XIX–XX вв., историческая статистика. Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1981-6144>.

E-mail: valetov@hist.msu.ru

Submitted 28.07.2025.

About the author

Timur Ya. Valetov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Historical Information Science, Faculty of History, Moscow State University (Moscow, Russia). Research interests: Russian economic and social history. 19–20th centuries; historical statistics. The author of more than 70 research and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1981-6144>.

E-mail: valetov@hist.msu.ru